

1866 — РОМЕН РОЛЛАН — 1966

Ж О Л О Ж О Л

Э. МЕЖЕЛАЙТИС

ВРЕМЯ делится на день и ночь. Есть в мире художники, которые служат дню, свету, и художники — апологеты тьмы, ночи.

Прозвонившие дня будят в человеке героическое начало, видят в человеке творца истории.

Апологеты тьмы окружают человека ненавистью, принижают, делают его слабым и безвольным.

«Творить — значит убивать смерть», — сказал Ромен Роллан, 100-летие со дня рождения которого мы отмечаем сегодня. И эти прекрасные слова можно считать девизом его жизни.

Ромен Роллан был поборником героической, творческой деятельности человека. Разбуженный в человеке героизм превращает его в сильную духом, монолитную личность, способную являть чудеса.

Высокий накал творчества Роллана идет от яркого горения его могучего сердца — сердца Прометея. В его произведениях буйству-

ет стихия чувств, мыслей, искания новаторской формы. Это знак гениальности.

Всем своим творчеством Роллан прямо и недвусмысленно высказался за Человека-Героя, Человека-Борца.

И сам он был писателем борющимся, мужественным, героическим. Вся творческая жизнь Роллана, его жизненный и литературный подвиг озарены страстным исканием героической истины, беспощадным сокращением лжи и лицемерия, единоразовым со всяческими «ярмарками на площади».

Мы и сегодня воспринимаем его книги как пламенную исповедь, как голос совести века, как немолкнущие голоса колокола, — ведь это один из любимых симво-

лов Роллана, возникший в гуманистическом заповеде «Жан-Кристофа».

Рождение гуманизма связано с Ренессансом — одной из ярчайших страниц человеческой истории. Роллановский гуманизм рождался в преддверии новой эры — эры социализма и покорения космоса.

Но когда мы говорим: Шекспир и Толстой, Микеланджело и Гёте, Бетховен и Роллан, мы ощущаем всеприсутствие могучих сил гуманистического искусства. Титаны сокрушают рубежи времени. Они, точно солнечные светила, слетаются с галактик негасимого света, чтобы озарить человеческий подвиг во имя мира, правды и справедливости.

В конце прошлого века потомок нотариуса из Кламси, начиная свое восхождение, с надеждой обращал взоры на Восток, к тому, кого французы привыкли называть «пророком из Ясной Поляны», и искал у Льва Толстого разрешения самых мучительных своих сомнений.

Позже великий сын Франции, великий патриот человечества Ромен Роллан потянулся всем своим существом к новому, революционному обществу. К «мастеру действия» — так он называл Ленина.

Писатель вел борьбу за освобождение человечества, за нового человека. И в переводе на близкий его сердцу язык музыки можно было бы назвать поразительно многогранное творчество Роллана симфонией гуманизма.

РОМАНУ Роллану было тридцать лет, когда он начал писать «широкую эпопею Французской Революции в двенадцати пьесах». Ему было 72 года, когда он написал пьесу, которая, по его мысли, должна была стать «завершенным путем», — «Робеспьер».

Предприятие такого размаха, посвященное столь значительной теме и осуществлявшееся, несмотря на многочисленные помехи и трудности, в течение сорока с лишним лет, предполагает веру, превосходящую обычную веру художника в собственные силы. Необходима цель, выходящая за рамки личности и даже столь законного честолюбия творца, задумавшего создать монументальное произведение искусства.

В самом деле, Ромен Роллан, глубоко презиравший мелкие снобистские и рекламные уловки, до которых унизились столько одаренных писателей, не скрыл от нас тот источник, в котором он в течение почти полувека черпал мужество и силы, необходимые для осуществления предприятия подобного масштаба. Посвятив столько лет созданию Театра революции, Ромен Роллан стремился, как сказал он в одном из своих предисловий, «разжечь веру нации на огне республиканской эпопеи, чтобы дело, прерванное в 1794-м, было подхвачено и завершено народом, достигшим зрелости и понимания собственных судеб».

В капиталистическом обществе театр жестко контролируется невидимой цензурой правящих классов. В своих крупных газетах они подкармливают двух или трех критиков, реакционных, посредственных и всемогущих, которые, в сущности, играют роль надзирателей, охраняющих интел-

че, чем в былые времена, — по крайней мере, когда речь идет о драматурге, как в случае с Роменом Ролланом. Теперь, когда города, окружающие Париж, уже настолько выросли, что их не назовешь пригородами, и открывают один за другим собственный театр — великодушный инструмент народной культуры, — становится все более очевидным, что тирания реакционных критиков, подавлявшая французский театр, рухнула. Самые «разносные» рецензии господина Ж. Ж. Готье* не производят никакого впечатления на публику периферийных театров. Она их не читает, как не интересуется и уловками и изысками господина Дютюра**.

«14 июля» или «Дантон», созданных молодым драматургом, ни в чем не уступает «Робеспьеру», написанному на закате жизни. Мы найдем здесь живость, вдохновенный порыв и силу, которые ощущались уже в его юношеских пьесах. Различие в ином. По мере того как шли годы и углублялось его понимание современных событий, менялась и его точка зрения на историю революции. Настоящее давило на прошлое.

Рост фашистской опасности, гражданская война в Испании, Народный фронт во Франции обострили и укрепили взгляд Романа Роллана на революцию и проблему выбора. С точки зрения этого великого мечтателя, 1934-й

вым делом тащился следом самый абсурдный кортеж: за заботой об общественном благе — праздник Высшего существа.

«ТЕАТР Революции» — грандиозное многочастное произведение, включающее некоторые пьесы, как, например, «Волки» или «Игра Любви и Смерти», где интеллектуальная честность Романа Роллана идет так далеко, что поверхностный ум мог бы легко, исходя из развития ситуации, сделать контрреволюционные выводы. Поэтому не надо удивляться, что из всего цикла именно эти две пьесы еще при жизни Романа Роллана чаще всего ставились и встретили наиболее благосклонное отношение. Между тем и та, и другая бесконечно ниже «Робеспьера». Эта драма является не только «завершенным путем», как писал Ромен Роллан, но и вершиной его театрального творчества.

В пьесе свыше 300 страниц, и она потребовала бы пять-шесть часов представления. Поэтому не может быть речи о том, чтобы

ТЕАТР
РеволюцииРобер МЕРЛЬ,
французский писатель

Молва, передаваемая из уст в уста, единственная, по-настоящему стоящая критика, — вот что решает успех или провал спектакля пригородного театра. Там рождается школа режиссеров, которые располагают благодаря новой публике такой свободой выбора, какой никогда не знали их парижские собратья. Для этих-то режиссеров и их публики я пишу эту статью. Я знаю с их слов, что они заняты непрерывными поисками новых пьес. Я отсылаю их к театру Роллана... Вот вам, в самом деле, пьесы, сколько угодно великолепных пьес, которые, правда, уже опубликованы, но тем лучше, потому что их предстоит открыть заново.

В АНГЛИИ есть свой грандиозный, захватывающий, неповторимый исторический цикл драм Шекспира. До театра Романа Роллана Франция не имела ничего подобного в этом жанре. Греческая история, римская история, священная история, даже испанская история куда больше привлекали наших великих драматургов, интересовавшихся, впрочем, не столько самой историей, сколько трагическим любовным сюжетом, для которого она служила удобным или эффективным фоном. Ромен Роллан возродил великую шекспировскую традицию: его Театр Революции проникнут подлинно историческим духом. Тут есть и любовная интрига, и индивидуальные судьбы, но прежде всего он стремится воплотить то или иное великое событие народного прошлого и оживить его у нас на глазах в магическом увеличительном зеркале театра.

Первая пьеса этого цикла написана им в 30 лет, последняя — в 72 года. Не приходится сомневаться, что есть некоторое различие между произведениями, разделенными сорока годами человеческой жизни. Но это различие — что почти невероятно — не носит эстетического характера. На мой взгляд, художественное мастерство таких пьес, как

объяснял 1794-й. Революционный отпор 6-му февралю проливал свет на Термидор. Более того, после 1900 года историческая наука во Франции сделала гигантский шаг вперед. Ромен Роллан был слишком одержим поисками правды, чтобы довольствоваться теми версиями революционной эпопеи, которые могли сойти за истинные в начале века.

Со страстным интересом, не ослабевавшим с годами, он следил за «плодотворными изысканиями», начатыми под могучим воздействием историка Матье, которые обновили историю революции. В этом смысле достаточно лишь сравнить Робеспьера из «Дантона» (написанного в 1900 году) с Робеспьером из пьесы, которая носит его имя и была написана в 1938 году.

Робеспьер из «Дантона», в сущности, мало чем отличается от традиционного Робеспьера, обработке и искажен до неузнаваемости предубеждениями и домыслами многих поколений реакционных историков. Робеспьер из пьесы 1938 года, напротив, предстает в истинном свете, в соответствии с открытиями, сделанными современными историками, — великим государственным деятелем, который, несмотря на свои ошибки, заблуждения и оплошности, воплощал будущее революции и чье падение неизбежно повлекло за собой падение революции.

«Но зачем нужна историческая драма, если есть история?» — спрашивают рационалистические умы. С тем же основанием они могли бы задать вопрос: «Зачем нужно искусство, если есть наука?» Я сомневаюсь, чтобы сочинения историка могли бы в достаточной мере воссоздать тревожную атмосферу, напряженность и краски великого события прошлого, тот момент, когда герой драмы чувствует себя полностью вовлеченным в водоворот событий, подобно камню, судорожно зажатому в руке, швыряющей его. Историк похож на глубоководных рыб: они освещают, но не видят события. Только поэт видит их. Без Матье не было бы «Робеспьера» Романа Роллана. Без Романа Роллана, без его понимания человеческих чувств и удивительной исторической проницательности мы не узнали бы настоящего Робеспьера.

В целом эта пьеса — великолепное произведение, наполненное гулом толпы и подлинно эпическим дыханием. Низость, развращенность и жестокость идут здесь рука об руку с величием и самоотверженностью, но картина написана так достоверно, так тонко переданы все оттенки, что даже в величии обнаруживаются мелкие человеческие слабости, двусмысленность и та ужасная ирония, которая, кажется, требует, чтобы за самым справедли-

«Робеспьер»

Рисунки художника П. Бунина
к произведениям
Романа Роллана

поставить ее полностью. Но режиссер мог бы посредством продуманно сделанных купюр довести ее до нормального размера; я думаю, что сущность при этом не пострадает, а драматическое действие приобретет большую напряженность и стремительность. Не скрою, что это трудное предприятие. Но результат, думается, поразит своей оригинальностью. В то время, когда французский театр почти целиком погряз в безобидных развлекательных пустяках, способствующих пищеварению зрителей, «Робеспьер» Романа Роллана, если он будет поставлен так талантливо и умно, как того заслуживает, даст публике ощущение величия, от которого, разумеется, она уже отвыкла.

Кто может отрицать, что Французская революция — это то событие нашей истории, которое получило наибольшее всемирное признание как великий вклад Франции в развитие рода человеческого на земле? Так вот, у нас есть шедевр, посвященный этому событию, более того — почти неизвестный шедевр, и современный театр мог бы вернуть ему славу, в которой до сих пор отказывал. Я не могу себе представить, что никто из молодых, идущих сегодня на смену режиссерам прошлого, не будет захвачен этой великой целью.

ПАРИЖ

РОЛЛАНОВСКИЕ ДНИ

● Вчера в Москве, в Центральном Доме литераторов, был проведен вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Романа Роллана. В нем приняли участие советские писатели и зарубежные гости.

● Сегодня в Большом театре Союза ССР состоится торжественное заседание, посвященное великому французскому писателю.

● Эти дни можно назвать Роллановскими: повсюду в библиотеках клубов, дворцах культуры проводятся лекции, доклады, встречи. Французский писатель-гуманист беседует с бесчисленной армией своих советских читателей, как «живой с живыми».

«В Пале-Рояле».

лектуальную пустоту сцены. Поэтому нечего удивляться, что Театр Революции не был, по крайней мере во Франции, оценен по достоинству. Более того, лицемерная хула, которой он подвергся, оказала влияние и на других критиков, куда более порядочных и искренних, не замедливших, однако, присоединиться к мнению своих собратьев — из тщеславия или снобизма. Кстати сказать, это явление общего порядка: нельзя безнаказанно жить в капиталистическом обществе — оно заражает даже наши мысли. Нет сомнения, что оно влияет — даже помимо нашей воли — и на наши литературные вкусы. Конечно, буржуазия обладает могучими средствами, чтобы отвергнуть или предать забвению авторов, которые ей не нравятся, — Золя, Жюль Валлеса, Анатоля Франса, Романа Роллана... Мы не располагаем подобными возможностями. Однако мы можем сделать попытку вернуть великих и несправедливо гонимых писателей из их временной ссылки, вернуть им место, отнятое у них злопастством политических противников.

Это теперь сделать гораздо лег-

«14 июля».